

А. С. Мыльников, А. А. Новик, Ю. Вал. Иванова

**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 2000 ГОДА
В СЕВЕРНУЮ ГЕРМАНИЮ.
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ВЫВОДЫ**

Этнографическая экспедиция в Северную Германию состоялась с 10 сентября по 11 ноября 2000 г. Она проходила в рамках научного проекта “Germania Slavica” (руководитель проф. др. Кристиан Любке) Лейпцигского Научного Центра по изучению истории и культуры Восточно-Центральной Европы (Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas e. V.) при финансовой поддержке Немецкого Исследовательского общества (DFG – Deutsche Forschungsgemeinschaft).

В экспедиции принимали участие научные сотрудники основанного в Санкт-Петербурге в 1714 г. императором Петром Великим и ныне носящего его имя старейшего русского музея – Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской Академии наук: заведующий отделом европейской этнологии профессор, д. и. н. А.С. Мыльников (руководитель), члены экспедиции научный сотрудник, к. и. н. А. А. Новик, аспирантка Ю. Вал. Иванова. С немецкой стороны участвовали попеременно Хайко Бекман и Мария Гринфельт.

В ходе работы экспедиции были получены значительные материалы. Можно привести следующие результаты ее работы.

I. Организация и методика.

1. В основу проведения Экспедиции был положен разработанный А. С. Мыльниковым во время его пребывания в Германии с 6 апреля по 6 июня 1998 г. и одобренный руководством Лейпцигского Центра и экспертами DFG „Научный отчет о выполненной работе в рамках исследовательского проекта “Germania Slavica». Он содержал следующие основные положения.

- 1) Этнические миграции и этническое смешение образуют одну из универсальных культурно-исторических закономерностей.
- 2) Поэтому не бывает этнически чистых народов, представление о существовании которых является либо расистской и шовинистской мифологией, либо свидетельством незнания.
- 3) Напротив, этническое развитие – это вечное движение, в процессе которого определенные этносы возникают, существуют и прекращают свое существование, перетекая в новые этносы.
- 4) В процессе этого вечного движения и этнического движения не исчезает вдруг и бесследно ни одна нация (ни один этнос) и тем более ее (его) культура, но передает свое культурное наследие в той либо иной форме последующим этносам.
- 5) Культура выступает как средство передачи культурно-исторических традиций, причем наряду с этническим здесь

играет важную роль также территориальный фактор. Это следует подчеркнуть, так как роль территории в преемственности этнических традиций при исследовании этнической истории не всегда учитывалась. Обычно же те или иные культурные традиции связываются с определенным этносом. Это естественно. Но не следует забывать, что этнокультурные традиции не исчерпываются этим. Во-первых, вследствие миграционных процессов и этнического смешения на одной и той же территории могут существовать в различные исторические эпохи различные этносы. Еще польский историк XVI в. М. Кромер подчеркивал, что один и тот же народ в разные периоды времени не обязательно населяет одну и ту же территорию, а может менять ее вследствие миграций. Из этого следует, во-вторых, что культурно-исторические традиции, сформировавшиеся на данной территории, могут иметь не только моноэтнический, но и полиэтнический характер. При этом они обогащают постоянные элементы таких традиций не только через инновации, но и перенятием и употреблением тех материальных и духовных форм культуры, что оставил предшествующий этнос.

б) Этнические процессы тесно связаны с эволюцией этнического самосознания, от его возникновения и развития до исчезновения. Исследование этого явления на материале Восточно-Центральной Европы позволило заключить, что этническое самосознание содержит три основных компонента: самоназвание (этноним), самоотнесение (этническая идентификация) и самоутверждение (этнический менталитет). Каждый компонент возникает и развивается в течение долгого времени и не всегда синхронно. Но вместе во время периода максимального развития одного этноса они образуют взаимосвязанную этнопсихологическую систему. При этом язык, который играет важную коммуникативную роль, может не служить главным и, тем более, единственным признаком наличия или отсутствия собственного этнического самосознания у представителей данного этноса. Этническое самосознание может объективироваться в течение определенного времени через различные формы культурной деятельности (обычаи, строительные особенности жилых и хозяйственных построек, способы производства орудий труда и т.д.). Такая ситуация особенно характерна для этносов, ассимилируемых и постепенно теряющих свое самостоятельное этническое существование.

Последние два положения особенно продуктивны для методики изучения процесса славяно-германского культурного синтеза на территории Северной Германии, так как они касаются роли территории в передаче этнокультурных традиций, а также специфики

развития этнического самосознания того этноса, который ассимилируется в процессе славяно-германского культурного синтеза.

2. Исторические источники свидетельствуют, что процесс колонизации Северной Германии и германизации проживавшего там славяно-полабского населения был более длительным, нежели обычно принято считать. Он прошел несколько этапов, причем славянское население со своим языком и обычаями в западных областях земли Мекленбург сохранялось спорадически примерно до конца XVII века, а на левом берегу Эльбы, в Ганноверском Вендланде – до XVIII века. Исходя из этого, основными районами деятельности экспедиции были избраны *юго-западная часть земли Мекленбург–Передняя Померания (Ябельхайде) и прилегающая к ней территория на левом берегу Эльбы –Ганноверский Вендланд.*

3. Основным способом работы экспедиции была принята методика интервьюирования местного сельского населения. В отличие от социологической методики, применяемой в массовых опросах и предполагающей варианты ответов, определение круга информантов и свободная беседа с ними позволяет установить доверительные отношения с учетом возраста, социального и образовательного статуса собеседников. Как правило, с их согласия беседы записывались на магнитофонные ленты. По окончании беседы мы предлагали информантам сфотографироваться, что неизменно вызывало их согласие.

4. Что касается круга задаваемых вопросов, то мы использовали проект программы, на основании опыта петербургской этнографической школы, составленный научной сотрудницей Отдела европейстики МАЭ РАН Марией Рубцовой. Для повышения целенаправленности интервью основной круг вопросов касался выявления местных особенностей материальных и духовных форм культуры в прошлом и настоящем. Прежде всего нас интересовали характер трудовой деятельности и состав населения, его возможные генеалогические связи со славянскими корнями, а также наиболее типичные черты жилых и хозяйственных построек, ремесла, одежды и обычаев, народной медицины и другие, связанные с этим вопросы. Одновременно мы стремились выяснить черты специфики локального самосознания жителей данной деревни, его отношения с самосознанием общенемецким и земельным.

5. По мере возможности члены экспедиции стремились зафиксировать с помощью аудиовизуальных средств общий вид деревень, отдельные, наиболее типичные здания. Нам удалось также побывать на нескольких деревенских праздниках урожая, где нас ожидал дружеский прием. Значительную роль в этом сыграло понимание наших задач со стороны пасторов и местных краеведов, за что выражаем им искреннюю благодарность.

6. При разработке плана экспедиции с Лейпцигским центром были согласованы принципы маршрута экспедиции. Был принят

радиальный вариант, при котором экспедиция базировалась в определенной деревне, совершая отсюда выезды по заранее согласованным адресам. В Ябельхайде это была деревня Лаупин (Laupin), в Вендланде – деревня Баузен (Bausen bei Clenze).

7. Для обеспечения информационной поддержки деятельности экспедиции были установлены контакты с местными газетами. Наиболее плодотворным было сотрудничество с газетой «Шверинер Фольксцайтунг. Людвигслюстер Тагеблятт» («Schweriner Volkszeitung. Ludwigsluster Tageblatt»), в которой Ханнелоре ван Раймерсдаль поместила две статьи о работе экспедиции: «Петербургские музеологи в поисках славянской культуры» и «Соломенное чучело из Лозена для старейшего музея России. Научная экспедиция А.Мыльникова из С.-Петербурга благодарит за помощь».¹ В Вендландской газете «Эльбе Йетцель Цайтунг» („Elbe Jeetzel Zeitung“) была помещена небольшая редакционная статья «Исследуя славянские корни».² Эти публикации способствовали более широкой информации об экспедиции среди населения Ябельхайде и Вендланда и значительно помогли в работе.

8. Хотелось бы особо подчеркнуть, что работа экспедиции проходила при самом благожелательном отношении со стороны населения, приходских священников, краеведов и местных властей, оставив у нас самые искренне-хорошие воспоминания о времени пребывания в Германии.

9. В итоге был собран обширный и уникальный материал, в том числе 10 кассет видеозаписей, около 560 фотографий и 24 магнитофонные ленты, а также записи в полевых дневниках, книги, отгиски статей и полученные для Музея антропологии и этнографии сувениры и предметы традиционной культуры.

II. Важнейшие наблюдения

1. *Деревни*. Планировка деревень в Ябельхайде и Вендланде, как обычно считается, различна. Если типичным для Вендланда называется *рундлинг* (Rundling) – круглая деревня (по разным оценкам их от 60 до 70), то в Ябельхайде, как и в Мекленбурге в целом, различают (по Карлу Баумгартену)³ 5 типов деревень: *итрасендорф* (Strassendorf) – придорожная деревня, *райхендорф*

¹ Reimersdahl H.van. Petersburger Museologen auf Spuren slawischer Kultur // Schweriner Volkszeitung. Ludwigsluster Tageblatt. 20. September 2000; Reimersdahl H.van. Eine Strohuppe aus Loosen für das älteste Museum Russlands. Wissenschaftlerteam um Prof. Dr. Aleksandr Mylnikov aus St. Petersburg dankt für Hilfe // Schweriner Volkszeitung. Ludwigsluster Tageblatt. 17. Oktober 2000.

² Suche nach slawischen Spuren // Elbe Jeetzel Zeitung. 2. November 2000.

³ Baumgarten K. Bauen und Wohnen // Mecklenburgische Volkskunde / Hrsg. von Ulrich Bentzien und Siegfried Neumann. – Rostock: Hinstorff Verlag, 1988. S. 254-291.

(Reihendorf) – однорядная деревня, *ангердорф* (Angerdorf) – площадная деревня, *гутсдорф* (Gutsdorf) – поместная деревня, *рундлинг* (Rundling) – круглая деревня. Причем последний тип, воспринимаемый как славянский по происхождению, в отличие от Вендланда, не считается для Мекленбурга ведущим. Наши наблюдения позволили несколько скорректировать существующие представления. В частности, удалось установить, что для Ябельхайде тип Rundling в прошлом был также характерен, но к настоящему времени по большей части деформировался последующим строительством. В результате первоначальный Rundling стал превращаться в другие типы, чаще всего в Strassendorf. В Ябельхайде это можно наблюдать на примерах деревень Альт Кренцлин (Alt Krenzlin), Конов (Conow), Хоэнвос (Hohenwoos), Кляйн Крамс (Klein Krams), Ляупин (Laupin), Люббendorф (Lübbendorf), Лозен (Loosen), Тевсвос (Tewswoos), Филанк (Vielank) и некоторых других. Как и в Вендланде, здесь, как правило, в центре рундлинга обнаруживаются некие доминанты: деревья, источники воды (в том числе пруды, иногда высохшие), памятники жертвам двух мировых войн и другие.

2. *Население.* Ознакомление с демографической эволюцией в изученных районах позволяет утверждать, что здесь на протяжении нескольких веков, наряду с ассимиляцией местного славянского населения, происходили мощные миграции, начиная с Тридцатилетней войны 1618-1648 годов и кончая массовыми переселениями, вызванными изменением границ вследствие второй мировой войны. На территории земли Мекленбург–Передняя Померания оказались переселенцы из Померании, Восточной Пруссии, Судет, Силезии. В Вендланде к этому добавились миграции по экономическим причинам местного крестьянского населения в города и, наоборот, переселение в деревни части состоятельного городского населения. В отличие от Ябельхайде, где основная часть жителей сохранила связь с сельскохозяйственной деятельностью, в Вендланде указанные процессы привели к превращению этой территории в элитарную и туристическую охранную зону, а *рундлинги* – в объекты контроля государственной службы охраны памятников культуры.

3. *Жилые и хозяйственные постройки.* В настоящее время в деревнях преобладают сооружения типа *фахверк* (Fachwerk), из кирпича (Ziegel), отчасти из рудного камня (Raseneisenstein). Жилой дом принадлежит к типу *халленхаус* (Hallenhaus) – дом-двор, неперенным элементом которого было внутреннее хозяйственное помещение диле (Diele). Еще до конца XIX века отдельные части конструкции дома именовались по-славянски. Например, возвышение внутри дома или антресоли назывались *помёс* (Pomös) (сравни русское «помост»). Теперь это слово забыто. Этот тип дома лучше всего сохранился в Вендланде, хотя известен и в Ябель

хайде. Крыши крыты черепицей, но в некоторых случаях тростником или камышом (Reetdach, Rohrdach). Это принято считать продолжением славянской строительной практики. С этой точки зрения интересна реконструкция разных по функциям славянских строений в Археологическом музее под открытым небом Грос Раден (Archäologisches Freilichtmuseum „Groß Raden“).

4. *Культурные традиции.* Отмеченные особенности и связанная с ними демографическая эволюция оказали значительное воздействие на перемены в культурном ландшафте Ябельхайде и Вендланда. Это проявилось в отмирании многих явлений, еще недавно, до середины XX века, фиксировавшихся в качестве славянских по происхождению, и в определенной нивелировке культурной жизни в целом. Затронуло это, в частности, праздничную культуру. Если представители старшего поколения подробно описывали празднование в прошлом Рождества, Пасхи, Троицы, то о праздновании зимой Дня первого снега уже никто из информантов не помнит, хотя рассказ об этом, по воспоминаниям Карла Вернера из Белитца, недавно опубликован в книге Ханнелоре Хильмер «Прекраснейшие рассказы и истории Ганноверского Вендланда из района Дравена и Свинмарка».⁴ Вместе с тем, в рассказах информантов прослеживаются некоторые элементы, восходящие к наследию славянского периода. Наиболее характерным можно считать культ березы – дерева, играющего роль одного из символов у многих славянских народов. Обычай устраивать из ветвей березы *ляубе* (Laube) – беседку на Троицу (крышей в таком случае по-язычески считалось небо), использование березового декора на других сельских праздниках еще сохраняется, особенно в Ябельхайде. В Вендланде только береза используется при установке так называемого майского дерева, но этот обычай проявляется по-разному. Он еще встречается кое-где в Ябельхайде, но чрезвычайно редок в Вендланде, где удельный вес населения, непосредственно занятого в сельском хозяйстве, невелик. Как сообщали здешние информанты, майские деревья устанавливаются силами жителей не одной, а нескольких соседних деревень. Это объясняют малочисленностью молодежи, хотя в последние годы интерес к древнему славянскому обычаю усиливается. Со славянским прошлым территорий многие информанты связывают и зажигание костров на Пасху.

5. *Домашние ремесла.* Развитые в прошлом, домашние ремесла, среди которых практическое значение имели ткачество, обработка дерева, пошив одежды, изготовление разных бытовых и производственных предметов, а также домашних продовольственных товаров (Lebensmittel) (чаще всего копчение и консерви

⁴ Hilmer H. Die schönsten Sagen und Geschichten des Hannoverschen Wendlandes aus den Region Drawehn und Swinmark. Lüchow, 1996. S. 20-21.

рование мяса), под воздействием технической модернизации 50-70-годов XX века стали отмирать. Однако, как отмечали почти все информанты, с объединением Германии в 1990 г. (Wende) общественный интерес к восстановлению традиций домашних ремесел вновь оживился. Во многом это отразило стремление к индивидуализации быта и явилось естественной реакцией на массовое промышленное производство с использованием химии и разное рода эрзацев. Население стремится обеспечить себя экологически чистыми продуктами, одеждой из натуральных материалов, нестандартным украшением жилого интерьера и так далее. В моду входят прялки, восстанавливаются старинные или создаются по их образцам новые ткацкие станки, пользуются спросом керамика и разнообразные предметы домашнего убранства. Нередко это стимулирует интерес к традициям славянского ремесла. Едва ли случайно, что основным поставщиком многих видов кустарной продукции стала Польша.

6. *Языковые реликты.* Известно, что древенополабский язык в Вендланде к концу XVIII в. прекратил свое существование и был заменен одним из говоров нижненемецкого диалекта (платдойч – Plattdeutsch) (в Ябельхайде это произошло к концу XVII века). Однако, по утверждению многих информантов, отдельные слова вымершего языка употреблялись сельским населением и позднее. Нам приводили примеры с разной датировкой, от рубежа XIX – XX веков до середины XX столетия. Так, Ундина Штивих из деревни Кармитц (Ганноверский Вендланд) вспоминала, что ее бабушка называла белку *кадарка* (Kadarka), немецкое же название Eichenhörschen.⁵ Такие случаи относятся и к нынешнему времени. Иоахим Швеве, автор не потерявшей значения монографии «Народные верования и обычаи Ганноверского Вендланда»,⁶ сообщил, что в отличие от садовой ягоды малины (Himbeere), эту же дикорастущую ягоду в Вендланде до сих пор называют по-славянски Moleina (сравни по-русски „малина“), а садовую землянику (Erdbeere) называют Schunitscha (сравни: по-белорусски «суница»).⁷ Вообще вопрос о славянских языковых реликтах в нижненемецком нуждается в дальнейшем серьезном этнолингвистическом анализе.

7. *Самосознание.* В целом жителям Ябельхайде и Вендланда присуще локальное самосознание, которое проявляется различно. Коренной, постоянный житель Ябельхайде на вопрос, кем локально он себя ощущает, ответит: „Ich bin Mecklenburger“ (я – мекленбуржец), хотя такие понятия как Ябельхайде или „Griese Gegend“ ему хорошо известны. Иначе говоря, это земельное са

⁵ Аудиотека МАЭ. № А-2-22.

⁶ Schwebe J. Volksglaube und Volksbrauch im Hannoverschen Wendland. Köln; Graz, 1960.

⁷ Аудиотека МАЭ. № А-2-18.

мосознание в рамках общенемецкого самосознания. Наоборот, житель Вендланда будет подчеркивать: «Ich bin wendländer» (я – вендланец). В последнее время здесь получило даже шутливое обозначение края как “Republik Wendland”. Примечательно, что это чувство разделяют не только (а порой и не столько) давние сельские жители, родословная которых явно восходит к онемеченным славянским предкам, но и люди, недавно переселившиеся сюда из других немецких земель. Иными словами, локальные традиции здесь сильнее, чем в мекленбургском Ябельхайде, и являются способом территориальной самоидентификации в рамках общенемецкого и земельного самосознания.

III. Выводы и рекомендации.

Материалы, собранные в ходе экспедиции, нуждаются в дальнейшем анализе. Однако уже теперь можно прийти к предварительным выводам и основанным на них соображениям о перспективах исследования в рамках программы “Germania Slavica”.

1. *Историческая память.* Из бесед с информантами из числа коренного местного населения выяснилось, что, как правило, обычные крестьяне (Landwirte) особенно не задумываются насчет своих этнических корней и знают свою родословную не далее трех поколений. Лишь несколько человек (отдельные крестьяне-собственники земли (Bauer) или проживающие в деревнях горожане и лица дворянского происхождения), опираясь на исторические документы, смогли сообщить о своих славянских или немецких предках до XVII века. Едва ли не единственным исключением был дворянин Хуго фон Пенц (Hugo von Pentz) из деревни Фольцраде (Volzrade), чья дворянская родословная восходит, по его словам, к X веку, а документированно засвидетельствована грамотами XIV -XVII веков. Эта фамилия происходит не из Мекленбурга, а из Гольштейна. В настоящее время интерес к своим предкам, преимущественно у представителей городских профессий, живущих в деревнях, либо с ними родственно связанных, получает все большее распространение. Об этом свидетельствуют соответствующие генеалогические разработки, которые нам довелось видеть. В них отмечают, если об этом известно, и славянские предки по мужской и женской линиям. В разговорах с нами некоторые информанты отмечали также русские корни. Например, одна из информанток, зная, что мы из России, по собственной инициативе сообщила: „Meine Großmutter war in Moskau geboren“ (Моя мать родилась в Москве). Во всяком случае, в обыденном сознании современного населения Северной Германии славянская тема занимает определенное, хотя бы субъективно и не всегда осознанное, место. Здесь можно выделить два уровня, разных по значимости, но функционально переплетающихся между собой: культурные реликты и культурные влияния.

В Ябельхайде и в Вендланде, помимо черт общности, они обладают местными особенностями.

2. *Вендские культурные реликты.* В Мекленбурге их сохранение и функционирование во многом обусловлено историей герцогства, старейшая немецкая династия которого ведет свое происхождение от ободритского князя Никлота (умер в 1160 г.). Его конная статуя, выполненная в XIX веке, украшает фронтон замка в Шверине – официальной резиденции правящей династии (до 1918 г.). Примечательно, что сын, родившийся в 1994 году у Донаты, дочери недавно скончавшегося мекленбургского герцога Кристиана Людвига (Christian Ludwig Herzog zu Mecklenburg), получил имя основателя династии – Никлот (Niklot). Воспоминания о былом славянском характере герцогства запечатлены не только в топонимике (это характерно и для других немецких земель, где некогда проживали славянские племена), но также в названиях городских улиц и даже некоторых развлекательных учреждений, например ресторан „Wendische Hof“ („Вендский двор“) в Шверине. Подобные славянские реликты воспринимаются общественностью как любопытная, но естественная составная часть истории и культуры этой части Германии. Несколько иначе выглядит эта ситуация в Вендланде, входившем в свое время в состав Ганноверского герцогства (Kurfürstentum Hannover), глава которого, курфюрст Georg Ludwig, как известно, с 1714 года стал одновременно английским королем. Здесь официальный интерес к сохранившимся в Вендланде остаткам полабских славян объяснялся не историческими корнями династии, которых не было, но, как писал в 1672 г. оберсуперинтендант Иоахим Хильдебрандт, соображениями престижа власти, подданными которой являются не только немцы, но и другие народы(!).⁸ В духе эстетики культуры Барокко это приобретало характер любования «вендами» как курьезом. Один из примеров тому многократно воспроизводился в литературе: во время приезда в Ганновер в середине XVIII века английского короля Георга II как курфюрста к нему была приглашена некая крестьянка, исполнявшая песни на «вендском» языке. Мода на подобные курьезы позднее прошла, а познавательный интерес к материальным и духовным реликтам культуры дравенополабов Вендланда переместился в краеведческую сферу. Своего рода символом этого региона стали рундлинги – круглые деревни. Если в Ябельхайде вендские реликты органически вписались в культурный ландшафт (например, о славянском периоде заселения края неизменно сообщается в полученных нами популярных брошюрах по истории отдельных деревень), то в Вендланде в настоящее время подобный интерес носит преимуще

⁸ Keyssler J.G. Neueste Reise durch Deutschland, Böhmen; Ungarn... Hannover, 1741. Bd. 2. S. 1165-1166.

ственно музейно-краеведческий характер, стимулируясь коммерческими (туристическими или рыночными) соображениями.

3. *Вендские культурные влияния.* Если вендские культурные реликты входят в общий контекст немецкой народной культуры, то с выявлением возможного воздействия на нее со стороны наследия славянских культурных традиций обстоит сложнее. Существует, с одной стороны, опасность недооценки возможного воздействия, а с другой стороны – нигилистического отношения. Приведем несколько примеров для иллюстрации сказанного:

а) Традиция, оцениваемая как славянская по происхождению, одновременно имеет германское или даже общее индоевропейское происхождение. Такова фаллическая символика в культе плодородия, которую участники экспедиции наблюдали 24 сентября во время праздника урожая в деревне Лозен (Loosen) (Ябельхайде). Однако культ плодородия, связанный с изображением мужского и женского начал, был распространен не только у древних славян, но и у древних германцев – камни с желобовидными насечками (Rillensteinen, Rinnensteinen).

б) *Рундлинг* (круглая деревня) считается типичным проявлением славянского культурного наследия, особенно в Вендланде. Но, во-первых, он был, как показано выше, известен и в Ябельхайде, причем относительно происхождения этого типа деревень существуют разные толкования, ни одно из которых нельзя считать окончательным. Во-вторых, *рундлинг* встречается не только в этих частях Северной Германии, но и в чешско-моравской зоне, географически и исторически от нее удаленной. Однако между ними обнаруживается если не контактное, то типологическое сходство, обусловленное тем, что здесь и там в XII-XIII веках происходил процесс немецкой крестьянской колонизации. Поэтому допустимо предположить, что *рундлинг* возникал в местах активного славяно-германского этнокультурного взаимодействия и, в свою очередь, может рассматриваться как один из показателей степени его интенсивности. В частности, отмеченный выше переход *рундлинга* в другие типы деревень в Ябельхайде отразил более активный характер германизации на территории герцогства Мекленбург, нежели в Ганноверском Вендланде. Это подтверждается и данными письменных источников XVI – XVIII веков.

4. Проявляя разумную осторожность при этнической атрибуции тех или иных материальных и духовных форм немецкой народной культуры, представляется возможным назвать некоторые элементы наследия северополабской культуры, оказавшей влияние на развитие немецкой (в том числе и современной) народной культуры:

а) Тип *рундлинг*, как бы ни объяснять причины его бытования в Вендланде и Ябельхайде;

б) Присущий для *рундлинга* (круглой деревни) тип *халленхаус* (дом-двор) с *диле* (пространство, использовавшееся как для тру

довой деятельности, так и для других бытовых нужд). Применение в качестве строительного материала в обследованных местах рудного камня (Raseneisenstein), а для крыши – тростника или камыша (Reetdach, Rohrdach);

в) Ранее отмечавшееся немецкими этнологами длительное применение в сельскохозяйственном производстве Ябельхайде и отчасти Вендланда некоторых орудий труда, восходящих к славянскому периоду (деревянные плуг и соха – Pflug, Hacken);

г) Культ березы и использование только этого дерева в праздничных обрядах (подтверждением служит распространение в Вендланде и, что существенно, также в Ябельхайде топонимики, восходящей к славянскому названию этого дерева: Брезегард, Брезе, Брезе им Брухе (Bresegard, Breese, Breese im Bruche etc.);

д) Славянская („вендская“) тема, характерная для немецкого фольклора в целом, при сохранении устных местных преданий (например, о могиле вендского князя в Амтес Малисс (Amtes Malliss), Ябельхайде);

е) Сохранение в Ябельхайде и Вендланде живой традиции народной медицины, носители которой, знахари (Die Wissende), пользуются доверием современного деревенского населения. Наши беседы с несколькими народными врачевателями (и некоторыми их пациентами) показывают черты сходства с аналогичным явлением у других славянских народов. Само их наименование Wissende („знающие“) от слова wissen („знать“) буквально соответствует обозначению того же явления по-русски («знахарь» от слова «знать», «знающий»).

4. *От прошлого к будущему.* Оценивая сказанное выше, нужно четко представлять историческую эволюцию культурного ландшафта обследованных территорий. Судя по рассказам информантов и сопоставлению их с особенностями местного культурного развития в литературе XIX – начала XX веков, можно заключить, что серьезная техническая и демографическая трансформация 50-70-х годов XX века оказала решающее влияние на изменение духовного климата немецкой деревни и внесла немало новаций в сельскую культуру. Не останавливаясь на этой теме подробнее, отметим главный результат: тенденцию нивелировки культурной жизни в деревенской местности с приближением ее к городским бытовым стандартам. С одной стороны, это проявляется в перепланировке интерьера традиционного жилого дома (в частности, используя пространства Diele). С другой стороны, под воздействием TV и других Massmedia происходит угасание многих старых обычаев, связанных с межличностными отношениями и проведением культурного досуга.

5. *Связь времен.* Отмеченная тенденция не является безусловной. События последнего десятилетия, связанные с объединением Германии, стимулировали возрождение внимания к собствен

ной истории, в том числе к прошлому деревень. Свидетельством этого является издание книг, посвященных их историческим юбилеям, причем рассказывается и о вендском периоде их прошлого. Среди сельского населения наметился интерес к восстановлению некоторых обычаев бытовой и праздничной культуры, о которых молодые поколения знают по литературе и рассказам стариков (славянские реликты культа березы в обычаях празднования Рождества, Пасхи, Троицы; возобновление традиции установки майского дерева, обращение к народной медицине, возобновление некоторых домашних ремесел).

6. *О возможных перспективах этнологического исследования.* Опыт экспедиции показал следующее:

а) Вопреки заверениям скептиков, источниковая база дальнейших этнологических исследований в рамках проекта *Germania Slavica* не только не исчерпана, но и может быть существенно расширена как в Ябельхайде, так и в Вендланде. Пренебрегать такими возможностями едва ли верно.

б) Для корректного выявления собственно славянского субстрата немецких обычаев и традиций в Ябельхайде и Вендланде желательно расширение ареала полевых и топонимических исследований с этнологической точки зрения. По крайней мере, за счет соседних территорий: Бранденбург (Brandenburg), Люнебургер Хайде (Lüneburger Heide), Восточный Гольштейн (Ostholstein). Это позволит осуществить более широкое ареальное сопоставление результатов, полученных нашей экспедицией.

в) Опыт экспедиции показал, что места для проведения этнологического исследования в рамках проекта „*Germania Slavica*» были выбраны правильно, организация работы в целом была успешной, а примененная при этом методика бесед-интервью себя полностью оправдала.

г) Пользуясь возможностью, считаем своим приятным долгом поблагодарить за поддержку плана экспедиции профессора Винфрида Эберхарда, директора Научного Центра по изучению истории и культуры Восточно-Центральной Европы, профессора Кристиана Любке, руководителя проекта *Germania Slavica* и его заместителя Матиаса Хардта, а также *Deutsche Forschungsgemeinschaft* за поддержку проведения нашей экспедиции. Участники экспедиции считают целесообразным продолжение российско-немецкого сотрудничества в этой области.